

«Господи, спаси Россию!»

«Орестей» в постановке Штайна уже само по себе событие. Но когда в главной роли Клитемнестры, жены Агамемнона, выступает на парижской сцене народная артистка России Екатерина Васильева — это событие вдвойне.

Отправляясь на встречу с актрисой, я заранее записал в блокнот несколько дежурных вопросов, среди которых был, конечно, и вопрос о дальнейших творческих планах. С него, собственно, все и началось, потому что Екатерина Сергеевна ответила на него так: «Штайн уговорил меня. Клитемнестра — это действительно лучшая женская роль в мировой драматургии. Но это моя последняя работа в театре. А в кино будет последняя — роль в сериале «Королева Марго», где скоро я заканчиваю съемки. Затем — все. Искусство мне теперь в тягость».

Как? Почему? С таким талантом от Бога! Незадолго до ее отъезда на гастроли в Париж Екатерину Васильеву наградили призом «Хрустальная Турандот» как лучшую актрису года. Во Франции, как и повсюду, куда труппа Штайна, набранная из актеров различных театров России, приезжала с «Орестеей», пресса

пишет прежде всего о Клитемнестре в исполнении Васильевой. И неизменно — с восторгом.

— Неужели возможно, — спрашивал я Екатерину Васильеву, — вот так в одночасье перечеркнуть всю свою прежнюю профессиональную жизнь, уйти со сцены раз и навсегда? Не пожалеем?

— Нет, — отвечает она, глядя куда-то мимо меня в одной ей понятную даль. — Теперь я только могу пожалеть о своем прошлом. Долгие годы пребывания в среде людей искусства привели меня к полному разочарованию и в самом искусстве, и в людях искусства, и в самой себе. Раньше мне казалось, что мы все делаем очень важную работу в деле воспитания народа. Я ненавидела тот режим, которому служила ваша газета «Правда». И искренне верила, что та борьба, которую вели мои друзья — писатели, актеры, режиссеры против этого режима, чрезвычайно важна.

Я верила, что мы боремся за народ, за его нравственное

здоровье. При тех гонениях на церковь, которые были в нашей стране, многие искали духовность в литературе и театре. Как стало сейчас совершенно очевидно, лишь малая часть литераторов и людей искусства сумела этим поискам народа соответствовать. Основная же масса думала только о своих клановых ин-

тересах, неистово борясь за так называемую свободу творчества, а точнее — за право на не контролируемое никем самовыражение. К сожалению, я была не с теми, для кого интересы Родины и русского народа были превыше всего.

— Что-то послужило толчком к пониманию того, что вы не с теми?

— Отторжение происходило постепенно, но последней каплей стали события 3—4 октября 1993 года, расстрел «Белого дома», реакция на эту нашу национальную трагедию моих «товарищей по цеху».

Их цинизм и кастовая надменность по отношению к русскому народу все во мне перевернули. Поэт в России больше чем поэт. И артист в

России больше чем артист. Когда он появляется на публике, его допускают не только на подмостки, но и на экран телевизора, но и допускают в святая святых человека — в душу. Наш русский народ нам верил — всем тем, кто, то и дело мелькая на телеэкранах, в прессе, берет на себя право и ответствен-

ность разъяснять народу, что же в нашей стране происходит. А мы народ по сути дела обманываем и предаем.

В лучах кошмара, происшедшего 4 октября, все мы оказались как на открытой площадке. Тут уже скрыть свою позицию невозможно. И вот после этого многие прежде близкие мне люди оказались немыслимо моему русскому сердцу.

в жертву наша державность и мощь. Кто знает?

Но для духовного возрождения православной нации наша неверующая, прозападная, настроенная, в подавляющей массе своей атеистическая интеллигенция — это подлинная национальная беда. К огромному счастью, она не вся у нас такая. Есть, и их немало, под-

нимать как воинствующую безнравственность. А когда в литературе русский язык заменяют матом и блатным жаргоном, а в кино уже все фильмы можно относить к тем, что детям до 16 лет не рекомендуются, когда на театральной сцене царит сексуальный беспредел, то какая же это свобода и какое же это творчество?

Нам это пытаются представить как некую творческую смелость. Но смелость не в этом. И я спрашиваю своих коллег: если уж вы были такими смелыми в прежние времена и не боялись хотя бы в кармане, но все же держать фигу, что ж вы сейчас-то помалкиваете? Зачем делаете вид, будто власть поменялась? Разве вы не видите, что у власти остались те же, кто и был — партийная бюрократия, коммунисты — номенклатуристы? Где же ваши принципы? Ведь вам же дали свободу!

— Может быть, вы слишком строго судите свою среду?

— Нет, по заслугам. Мы вместе боролись за свободу и мы ее добились с немалым трудом и немалыми потерями. Я не за возвращение старых порядков. Но свобода — это не индульгенция на совершение всех мыслимых и немыслимых земных грехов. Я считаю, что свобода не может быть бездуховной. Ее нельзя

охлаждать русский народ и поливать грязью его историю? В нашей творческой среде задают тон современные смердяковы. Не нравится им русский народ. Россия не нравится. Лица не те. Все сплошные шариковы и совки. Колхозники

(Окончание на 4-й стр.)

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

ки не те, рабочие не те, депутаты не те и не те священники, судьи...

Мне непонятно, как люди, называющие себя русскими, могут быть столь глухи к страданиям собственного народа. Они с утра до вечера готовы говорить о «трагедии еврейского народа», о «трагедии гаитянского народа», о «трагедии боснийских мусульман». Да, мне все эти трагедии близки и понятны, и я сочувствую этим народам всем сердцем как человеку верующий, православный. Но если уж дали у нас людям творчество должжданную свободу, открыли те архивы, что прежде были за семью печатями, почему же они не возопили о беспрецедентном в истории геноциде русских, который продолжается уже почти целый век? Почему не расскажут всю правду о том, как вырезали русское дворянство и интеллигенцию во время гражданской войны, о раскулачивании, об организованном голоде, о второй мировой войне и ее подлинные причины и роли Запада в ней? Почему они не оспаривают версий Шахназарова или Радзинского об убийстве царской семьи? Ведь уничтожены десятки миллионов русских людей. Разве идет с этим сравнение «Список Шиндлера»?

Об опасности еврейских погромов у нас кричат с утра до вечера. А вот когда началась демонстрационный русский погром 4 октября, этому люди, именующие себя интеллигентами, поэтами, аплодировали! Более того, требовали крови!

То, что произошло в тот день 4 октября, войдет в историю как упомощничество нации. И еще неизвестно, как назовут этот день. Ведь даже «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло в «Останкино» и у «Белого дома». И интеллигенция несет за это ответственность прямую. Она должна быть совестью нации, не давать этой совести засыпать, пропадать втуне, но предпочла оправдывать тех, кто стрелял в народ и в парламент России. Это — позор несмываемый. И я не верю больше никому из этих интеллигентов и не верю в их интеллигентность. Теперь я верю в свой народ, в простой, как они его называют, народ. Я верю в тех, кто погиб в октябрьские дни прошлого года.

— Быть со своим народом в годы испытаний — это долг интеллигенции. Как вы понимаете этот долг?

— Мой брат во время октябрьских событий находился около «Белого дома». Незадолго до того, как началась стрель-

ба, он оказался среди тех самых «простых людей», внешний облик которых часто осмеивают хулители русской нации. Обычные лица усталых и отчаявшихся, бедных людей. И брат говорил мне, что он подумал: «Может быть, мне сейчас предстоит погибнуть вот за них? Вот за таких, какие они есть? Да, за них. Свой народ не выбирают». Я верю моему брату.

Правда. - 1994. - 22 окт. - с. 4.

«Господи, спаси Россию!»

Весной 1993 года, когда было выражено доверие Ельцину, я летела в самолете из Кургана и просто не могла смотреть на людей, потому что у меня в голове была только одна мысль: «Что же вы наделали?! Как же вы могли проголосовать за доверие этому человеку?! Неужели вы вообще ничего не понимаете?»

А потом я подумала, что это вовсе не народ виноват в неправильном своем выборе, что львиная доля вины лежит и на мне, как и на всей интеллигенции, которая его дезинформирует, либо не хочет или не может донести до него истину.

Я очень уважала диссидентов, и они мне казались смелыми людьми, не боявшимися говорить властям правду. Но сейчас я и им не верю. Ведь и они в большинстве своем сейчас служат власти, при которой русский народ исчезает с лица земли. Либо молчат, не говорят правды, как прежде умели. Я так ждала Солженицына. Все его ждали. Как защитника русского народа. Потому что нас некому защитить. Мы никому не нужны. Ни властям, ни интеллигенции, ни ОМОНу и ни армии. Но вот он приехал. И обманул нас.

Уже потому, что не защитил свой бесправный народ.

Никто не спасет нас, кроме Господа нашего Иисуса Христа. Надо каяться и молиться. Спасение только в этом.

На русском кладбище здесь, в Сент-Женевьев де Буа, на могилах даже самых знаменитых людей нет ни фотографий, ни их титулов. Есть зато на надгробиях слова, обращенные к Родине: «Господи, спа-

си Россию!» Вот такому отношению к Родине нам всем еще надо учиться.

Печерский старец, когда его спросили, будет ли третья мировая война, сказал, что эта война уже идет, только на духовном уровне. Посмотрите, какая атака со всех сторон. Католики, протестанты, иезуиты, всевозможные секты. Нас зомбируют разные колдуны с экранов. Если чему уже и учиться у Израиля, так это отношению к миссионерству, которое там запрещено законом. Так и положено в цивилизованной стране, в которую наша интеллигенция мечтает превратить Россию.

Я не верю в то, что проповедуют наши владельцы умов, уповающие на Запад. Западу нам дать нечего. Я уже около года езжу с гастролями по Европе. Это — Содом и Гоморра. Здесь четче понимаешь, что мир катится в пропасть. Нарушены все десять заповедей. Запад может только брать, что он и делает. Идет чудовищное наступление на Россию, на православие.

В Писании сказано, что не следует бояться убивающих тело. Самое страшное, когда убивают дух. Посмотрите, как происходит вторжение в Россию. Порнография, гомосексуализм, жестокость и насилие как само собой разумеющееся, как образец для подражания, проповедь разврата во всех видах и извращениях, проституция, наркотики. Деньги становятся идолом, сверхценностью. Все подчинено материи. Все обнажено до омерзения.

— Вам, должно быть, нелегко приходится в вашей среде?

— Я ощущаю нередко полное одиночество и бессилие. Я не знаю, что еще должно произойти, чтобы люди поняли, что происходит с нашей страной и со всеми нами. С нами делают что хотят. Невозмож-

но поверить, что нация может позволить такое. Говорят, мы на краю пропасти. По-моему, мы уже в пропасти.

Цель каждой христианской жизни — это спасение души. Цель каждого христианского народа — это спасение души народа. Та патристическая интеллигенция, которая это понимает, наконец-то вместе с церковью очень многое сейчас для этого делает. И мне кажется, потихонечку люди начинают прозревать.

— Как вы воспринимаете Ельцина и его окружение?

— Как православная христианка я молюсь за них. Ибо в Писании сказано, что всякая власть от Бога. Но, когда я прохожу мимо «Белого дома», я не могу совладать со своими чувствами. Меня охватывают гнев и ненависть. И, если бы не храм, я, русская женщина, была бы сейчас среди непримиримой оппозиции, потому что я не могу воспринимать нынешнее руководство страны иначе, как преступников и предателей России. Как христианке мне страшно подумать, какое они могут понести наказание за то, что они творят. Потому что ад и рай для меня так же реальны, как и земная жизнь. Конечно, не нам решать, «кара» или миловать, все в руках Божьих. Любой преступник — как тот разбойник на кресте, которого распяли вместе с Христом. В последний момент он может быть спасен, если искренне раскается. Но я бы не хотела помяняться местами, скажем, с Ельциным.

— И последний вопрос: каким вам видится будущее России?

— Русский народ — воинственную великую нацию. Это не расхожая истина, которая нуждается в доказательствах. Он выходил с честью из страшнейших испытаний. И в первую очередь потому, что это народ религиозный, даже если он сам этого не осознает. Идеал для него всегда важнее грубой материи. Это происходит независимо от него, едва ли не на уровне подсознания. Поэтому он и непобедим. Бог с нами, хотя мы его и сильно прогневали, ибо отступили от него. Мы должны вернуться, жить по заповедям Христовым. Это Россию спасет, она в свою очередь спасет весь мир, все человечество.

...Вечером снова театр. Гастроли есть гастроли. На сцене она немного забывается. А после спектакля опять наедине со своими мыслями, с молитвой к Богу. Идет эта молитва из самого ее сердца, из раненного болью за Россию.

Владимир БОЛЬШАКОВ.
(Соб. корр. «Правды»).

г. Париж.

Фото М. СТОЛБОВА.